

Отслужил (армейские зарисовки)

Отслужил! Слава тебе господи.
Отслужил, Господи, слава тебе!
Отслужил, а теперь домой.

Уезжают в родные края,
Дембеля, дембеля, дембеля.
И куда не взгляни в эти майские дни.
Всюду пьяные бродят они.

Из дембельских песен.

Госпиталь

Эту песню я услышал в госпитале ЗАКВО (Закавказского военного округа) города Тбилиси, куда попал недели на полторы, по причине расстройства желудка. Пел ее полный солдат-армянин:

Девушка в платье из ситца.
Каждую ночку мне снится.
Не разрешает мама твоя.
Мне на тебе жениться.

А потом шли какие-то до конца непонятные мне и сейчас слова.

Был бы я просто чеканщик.
Или какой-нибудь банщик.
В крайнем случае, милиционер,
А не барабанщик.

Впрочем, почему непонятные? Наверное, этот парень стал барабанщиком по причине несчастной любви¹. Второй армянин, сосед по палате читал Отверженных Виктора Гюго на армянском языке.

В госпитале все группировались по национальным и призывным категориям: младший призыв отдельно, старший отдельно,

¹ В другом варианте песни, который я услышал через много лет, слова были несколько иные, вполне укладывающиеся в логику сюжетной линии.

кавказцы отдельно. Отдельно была группа «афганцев» – раненые в Афганистане ребята. Они выделялись какой-то особой гордостью, независимостью, и я бы сказал красотой. В общем, элита, белая кость.

Молодые, т.е. не отслужившие еще полгода солдаты собирались вместе. Сидели на кроватях, которые стояли в коридорах госпиталя. Делились куревом, не думая, что многие лежали в госпитале с диагнозом желтуха. Да были и такие, кто специально пытался заразить себя этой болезнью, поскольку все знали, что лежат с ней минимум месяц, а потом сразу дают отпуск домой. «Глядишь» – рассуждали они – «сразу перейдем в следующую призывную категорию». Всего шесть призывных категорий. Но в разных частях они назывались по-разному. В той части, где я служил классификация была следующей: **зеленый, зеленый** (месяц до принятия присяги²), **«салабон»** – первые полгода, **«валет»** – вторые полгода, **«король»** – третьи полгода, **«дембель»³** или **«дед, дедушка»** – последние полгода и, наконец, после приказа⁴ дембель на два три месяца становился **«гражданским»**. Разумеется, все это было неофициально и некоторые офицеры и прапорщики весьма смутно представляли себе о той параллельной иерархии, в которой существовали его подчиненные.

Соседом по палате был солдат из дисбата⁵ – тянул ляжку уже четвертый год. Толи чеченец, толи лезгин. Вел он себя терпимо. Только однажды перепив чачи⁶, он заставил молодых отжиматься прямо на кровати – больные все же. В общем, жизнь в госпитале была сносной для молодых и многие хотели остаться там подольше. Некоторые подряжались выполнять какую-либо больничную работу, и руководство госпиталя оставляло их еще на несколько недель.

За...

Эх, как после караула гудят ноги! Идем словно лунатики. Молодые спят на ходу. В карауле не поспишь: пост два часа, потом два часа изучение уставов. И вот они долгожданные два часа отдыха. Но не тут-то было. Куда это вы? А порядочек кто будет наводить? Живо штык ножи в зубы и циклевать пол в столовой. Циклевать – значит скрести. Да скрести так, чтобы блестело. И циклюешь пол на корточках, да поглядываешь на часы. А на отдых и времени уже не остается. И вот долгожданная комната отдыха, где в темноте

² По правилам вновь прибывшие в часть проходили курс молодого бойца и находились в карантине, т.е. были отделены от остальных военнослужащих. После принятия присяги они начинали служить на общих основаниях.

³ Дембелем назывался также и сам процесс увольнения из армии.

⁴ Приказ министра обороны об очередном увольнении военнослужащих.

⁵ Дисбат – дисциплинарный батальон, заменяющий для военнослужащих тюрьму.

⁶ Чача – грузинская водка.

пробираешься между спящих старослужащих, да не дай бог разбудить кого. И будто в пропасть проваливаешься минут на пятнадцать, но "караул подъем!" – кричит сержант – пом. начальника караула. И вскакиваешь, и словно сомнамбула вперед с разводящим⁷ посты сменять.

– После караула – физическая подготовка, говорит замкомвзвода Лубенцу начальник караула старлей Пыкало и прищуривается за темными очечками. – Плохо караул несли, мать вашу!

Дорога в гору. Из последних сил передвигаются ноги, пот ручьями как вода заливают глаза. На дворе декабрь, но погода как у нас в сентябре.

– Вперед. Стой. Вспышка слева. Вспышка справа. В гору бегом марш.

По обе стороны дороги крутые склоны. Из последних сил, ноги немеют, не слушаются, хочется схватиться за кого-то и хвататься. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Мне кажется, что теряю сознание. Старослужащие внизу на дороге покуривают, о чем-то болтают. В гору лезем лишь мы и вальты. Кто-то падает, один, другой...

– Отставить. Все вниз.

– Все бегут за ...! – и называется фамилия одного из упавших.

– В роте разберемся, – шипят вальты.

И снова вверх. Вспышка слева, вспышка справа. Мы словно лунатики. Возвращаемся в роту.

Слава богу, скоро ужин. Как вкусно: кусочек рыбы с картофельным пюре.

– Эй, воин, передай хлеб вон тому ефрейтору.

Мне передают несколько кусочков черного хлеба. Не чувствуя подвоха протягиваю хлеб сидящему за соседним столиком.

– Ты что, белены объелся, солдат! Дедушке черный хлеб⁸!? В роте будем разбираться с вальтами⁹ – совсем молодежь не учат.

Так начиналась служба.

⁷ Пом. начальника караула, обычно разводил (т.е. был разводящим) солдат-караульных по постам и снимал с постов тех, кто уже отстоял положенные два часа.

⁸ Дембеля ели нарочито мало, черный хлеб не ели вообще, как бы показывая, что у них нет ничего общего с солдатами младших призывов, постоянно испытывающих чувство голода. Передать черный хлеб дембелю – серьезно оскорбить его.

⁹ Вальты отвечали за поведение салабонов. Принцип очень простой – не можешь научить или заставить, сам будешь пахать за двоих.

Прапора

В советское время бытовала такая шутка:

"Как нам победить США?"

"Выбросить на Вашингтон дивизию прапорщиков, они через неделю всю Америку разворуют."

Честно говоря, после шести месяцев службы жизнь в армии стала вполне сносной. Никто не вопил бешено округлив глаза: "Ты что воин, хуй на службу забил!? А ну, конь, бегом, толчок чистить!". Причем вместо звука "г" в слове "бегом" произносился звук похожий на то, как если бы вы произносили звуки "х" и "г" одновременно. Никто "не наливал пивка"¹⁰ в строю. Никто не ставил в наряд в варочную¹¹.

Все бы ничего, если бы не прапора. Прапорами называли прапорщиков. Не знаю почему, но большинство прапорщиков испытывали... не ненависть, а как бы это сказать, ну такую неприязнь, иногда открытую, иногда запрятанную глубоко в подсознание, в отношении простых солдат-срочников. Особенно эта касалась солдат, пришедших в армию после института, к коим относился и я. Такое отношение трудно объяснить, например, с материальной точки зрения. В советское время зарплата прапорщика составляла 180р., плюс обмундирование, плюс доп. паек, плюс всякие льготы. При этом в ряды прапорщиков попадали простые солдаты сверхсрочники, имеющие только среднее образование.

Прапорщик Калач, наш комвзвода мужик лет двадцати восьми с животиком, добрым взглядом, всем видом свои показывал, что лучше, чем служить прапорщиком в советской армии, и ничего на свете нет. Недавно получил двухкомнатную квартиру в новом районе Тбилиси. Во время парко-хозяйственного дня, когда свободные от нарядов солдаты должны были наводить порядок в казарме, выкуривать клопов¹², работать во дворе, в штабе, Калач забирал пару тройку солдат для ремонта новой квартиры. Пару раз и я был у него на квартире. Циклевали пол, выносили какой-то мусор, красили двери. Калач привозил нас утром, а вечером забирал в часть. Калач, пожалуй, единственный из всех прапорщиков и офицеров, к которому я так и не смог определить свое отношение. Пожалуй, вся доброта его сводилась к доброму взгляду, да полному не слишком умному доброжелательному лицу.

¹⁰ "Налить пива" на армейском жаргоне, стукнуть сзади (не слишком сильно) по почкам.

¹¹ "Варочная" - помещение на кухне, где происходит горячее приготовление пищи - сущий ад для салабонов.

¹² Полчища клопов прятались в трубчатых полостях и углах железных кроватей. Чтобы выкурить их, все кровати выносились во двор и прожигались паяльными лампами. Такая процедура повторялась раз в три-четыре месяца.

Старший прапорщик¹³ Лында был начальником столовой. Была такая должность. Толстозадый с большим животом, похожий на борова, любимым ругательством его было "Скотобаза!". "ТЬфу, Скотобаза!" или "Вот блядь, Скотобаза!". Почему-то испытывал жуткую неприязнь, к солдатам, с высшим образованием. Обычно называл их дурачками. "Ну зачем такие дурачки живут на свете?" - говаривал он, имея виду кого из нас. Мне представляется, что для него мы были похожи на каких-то невиданных заморских зверей, приносящих одни хлопоты, а пользы - никакой.

Еще один прапорщик маленький, худой как смерть. Все звали его Васей, Вася Солодухин. Вася болел сахарным диабетом и поэтому всегда носил с собой сахарок. Как то на учениях ему стало плохо, он упал и сломал руку. Не знаю, с болезнью ли это было связано или характер просто дурной был, испорченный кроме того непомерным потреблением алкоголя. Вася страдал резкими перепадами настроения. Мог запросто ударить, обругать просто без всяких видимых причин.

Заворотний

Половина седьмого утра. "Рота подъем!" - кричит дежурный по роте. "Подъем рота!" - вторит ему дневальный с тумбочки¹⁴. Такое ощущение, что только положил голову на подушку. Зарядка. На улице около нуля. Бежим с голым торсом (форма одежды номер два). После зарядки умываться и на завтрак. Ближе к девяти появляется командир роты. Строимся по середине казармы в проходе между кубриками¹⁵. Капитан Заворотний хмуро оглядывает ряды.

- Пил вчера почти всю ночь - шепчет кто-то рядом.

У Заворотнего проблемы дома. Дневальные рассказывают, что несколько раз у себя в кабинет капитан ночью напивался до беспамятства.

Подходит к ефрейтору Герасимову. По армейским неписанным канонам Герасимов уже гражданский (дембель после приказа), т.е. должен вести себя соответствующим образом: ремень, почти до ширинки, ушитые штаны и гимнастерка¹⁶, сапоги гармошкой, ворот растегнут на две пуговицы. Сам дедушка Герасимов стоит весь изогнувшись, как в очереди за пивом.

- Это что за чмо¹⁷, ёб твою мать! Ты как, солдат, стоишь?

¹³ В армии старших прапорщиков в шутку называли "страшными прапорщиками".

¹⁴ Тумбочка - возвышение напротив входа в роту, на которой по уставу должен постоянно находиться один из дневальных (дежурных по роте).

¹⁵ Кубрик - часть казармы, отгороженная от других стенами, где располагаются кровати одного взвода.

¹⁶ Распорядком запрещалось ушивать хэбешные брюки и гимнастерку (хб), но старослужащие все равно это делали. Это было особым шиком. Салабона же или вальта в ушитом хб могли и побить - не положено.

¹⁷ Чмо (в армии) - плохой, никчемный солдат.

- Я товарищ капитан уже гражданский, положено.

От такой не вообразимой наглости Заворотний краснеет как рак. Медленно поворачивается в сторону застывших офицеров и прапорщиков.

- Пыкало. Мать вашу, вы что развели здесь порнографию¹⁸.

Подбегает старлей Пыкало сверкая очечками.

- Так! Герасимова в наряды не ставить.

Заворотний поворачивается к Герасимову.

- Пошел на хуй в кубрик. Чтоб я тебя больше не видел.

И теперь уже ко всем.

- Свободный взвод на работы. Остальным готовится к наряду, молодым учить устав. И в кубриках порядочек. Как у вас кровати расставлены. Что за менструация!¹⁹ Ровнять по нитке²⁰!

Герасимов действительно последний до увольнения месяц ничего не делал. Лежал в кубрике, читал книжки, готовил дембельский альбом.

Кухня

Наряды - бич батальона (точнее роты), где я служил. В наряд заступают взводом: трое по роте²¹, пятеро на кухню, остальные в караул и на КПП²². Ходили через два дня на третий. Во время увольнения старослужащих солдат не хватало и в наряд ходили через день. Называлось это "через день на ремень". Это время было изнуряющим, особенно для салабонов. В карауле спали не более двух часов (в сутки), но часто и того меньше.

Кухни салабоны боялись и все равно стремились туда - хоть поесть вволю. Самый страшное место на кухне - варочная. Туда брали одного и только из салабонов. Жара за сорок - горячие котлы кругом. Передвигаться можно только бегом, чуть замешкаешься - получишь по затылку или под дых от одного из поваров старшего призыва²³. Зато в варочной давали хорошо поесть и это действовало как закон.

Оставшихся четырех из наряда по кухне распределяли по два в зал и в моечную. Но вечером все пятеро чистили картошку

¹⁸ Порнография - любой не порядок.

¹⁹ Менструация - на армейском жаргоне "не соответствие уставу или установленному порядку". Тоже, что порнография.

²⁰ В армии кровати выравнивали по натянутой нитке.

²¹ Или как говорили "на роту".

²² КПП - контрольно-пропускной пункт, здесь имеется в виду КПП штаба округа.

²³ По неписанным законам солдаты одного призыва руку друг на друга не поднимали, а старались по возможности поддержать друг друга. Впрочем, были и исключения.

на следующий день. На кухне стоял чистящий агрегат, но им чистили только на половину, чтобы в очистки не ушла хорошая часть картофелины. Поэтому картошку в начале пропускали через картофелечистку, а потом дочищали вручную. Ручная чистка продолжалась до двух иногда до трех ночи. Дождавшись, когда рядом не было начальника столовой (вечером Лында, естественно уходил домой) мы украдкой от поваров держали картошку в агрегате дольше обычного. Иногда таким образом удавалось сократить ручную работу до часу или даже до двенадцати ночи. Дежурный по столовой, сержант, обычно не возражал против такой методы - ему тоже хотелось отбиться²⁴ по раньше.

В моечную ставили салабонов и вальтов. Работа ответственная, если дежурный по столовой, начальник столовой, или дежурный по батальону обнаружат жирную посуду, то заставят перемывать все заново. Но самое страшное могло случиться, когда плохо промытая тарелка попадала дедушке. Тогда дембеля могли накостылять и сержанту-дежурному²⁵, если тот был из младшего призыва. Дальше уже доставалось мойщикам.

В зале ставили двух человек. Если в наряде оказывался дедушка, то как говорили обычно: "Ну ребята вешайтесь: Пышутин на кухню идет." - Пышутин был одним из дембелей, ленивый со злыми глазками парень, которого не любили брать в караул и на роту. Дедушка уходил куда-нибудь отдохнуть и бедный сержант, вынужден был брать в зал одного из мойки. Но один мойщик плохо справлялся и тут уж как бог даст - может и пронесет.

Но все равно салабоны кухню любили, так как всегда была возможность перехватить кусок другой мяса, хлеба с маслом, сахарку.

Чтобы лучше разъяснить, как работали неписанные законы армейской жизни, приведу один пример. Как то отслужив уже больше года (т.е. оказавшись в разряде королей) я попал в наряд на кухню. Дежурным по кухне шел сержант из параллельной роты, уже дембель. Я работал в зале. Видя как я не торопясь разношу посуду по столам (суетиться мне уже было не положено), сержант решив унижить меня, отправил после обеда в моечную, зная прекрасно, что нарушает не писанный закон. Я вынужден был подчиниться, но сел в моечной и мыть не стал. Сержант несколько раз заглядывал туда, матерился, но понимая, что сделать ничего нельзя, в конце концов отступил.

Бывали и курьезные случаи. Однажды комроты, разозлившись за что-то на старослужащих, отправил на кухню сразу четырех

²⁴ Отбиться - лечь спать, от слова "отбой".

²⁵ Как то один дембель залепил тарелкой с кашей прямо в лицо сержанту.

дембелей. Дембеля, однако, уже после девяти валялись на кроватях в кубрике, а вместо них тайно от Заворотнего отправили работать на кухню свободных от нарядов салабонов.

Через день, на ремень

Наш батальон охраны и обслуживания был приложением к штабу ЗАКВО, расположенному в самом центре Тбилиси. Рота охраны, рота водителей – генералов возить. Ну и всякая шушера – типа хозвзвода, занимающегося наведением чистоты на территории штаба и ремонтом сантехнических узлов, да еще притворяющихся в незнании русского языка армян-чеканщиков. Последние занимались всякими поделками для штаба (например делали чеканку). По настоящему пахала только наша рота, остальные жили полугражданской жизнью, появляясь в части только к вечерней поверке²⁶. Опоздание на поверку – чп, что влекло за собой наказание в виде наряда вне очереди. Впрочем последнего наша рота не боялась, так как только то и делала, что ходила в наряды. Водители из автороты ходили только в наряды по кухне и только, пока им не дали машину. После получения машины, они фактически переходили в прямое подчинение к своему генералу или полковнику и наряды их уже больше не касались.

Наряд начинался после развода. На развод собирались к 14.30 все идущие в наряд. Разводом командовал дежурный по штабу ЗАКВО. Все идущие в наряд выстраивались на плацу в том числе и офицеры: начальник караула, дежурный по батальону. После обхода строя дежурным, все строем расходились по местам нарядов.

Караулы изнуряли. В общей сложности восемь часов в день на ногах. Это очень тяжело. Труднее всего было с двух до четырех ночи. Страшно клонит в сон. Именно тогда я понял, как спят на ногах и не просто стоя, но двигаясь. Обычно в это время начальник караула идет проверять посты и надо быть на чеку, а это чертовски трудно.

– Спишь солдат? – старлей Маргаринт возникает как из под земли.

– Никак нет. Не сплю.

Начальник караула при проверке берет с собой кого-нибудь из свободных караульных. И не дай бог, если это окажется старослужащий. Потом в роте нальют пива по полной и пошлют чистить очко²⁷ после отбоя.

²⁶ На вечерней поверке зачитывается список личного состава, т.е. проверяется наличие военнослужащих в части. Наряд на поверку не строится, за них отливается замкомвзвода.

²⁷ Очко - унитаза.

Всего брали под охрану восемь объектов: 1 - пост у знамени ЗАКВО с карабином, 2 - пост у парадного входа в штаб, куда могли входит только несколько избранных: командующий ЗАКВО, его заместители, адъютанты, а также гости командующего, 3 - у входа в оперативное управление, 4 - вход в организационно-мобилизационное управление, 5 - ворота между двором штаба ЗАКВО и двором нашего батальона, 6 - пост охраны караульного помещения - здесь стояли по полчаса, 7 - охрана автопарка батальона - стояли только ночью, 8 - таинственный пост, называемый домом командующего, где его ни разу никто не видел, пост был расположен в городе и часовых возили туда на машине. На этом посту стояли только со штык-ножом и только старослужащие (я был на нем всего раза три).

С восьмым постом при мне произошел странный случай. Старослужащий, который стоял на этом посту, подрался с каким-то грузином и ударил его штык-ножом. А надо сказать, что охранялся двухэтажный дом, который со всех сторон был окружен яблоневым садом. В доме жили какие-то люди, но командующего среди них не было и никто его там ни разу не видел. На этом посту стояли по три часа. На посту можно было сидеть на скамеечке, так как специально никто этот пост не проверял. Как рассказывали ребята, раненный грузин жил где-то рядом и часто приходил поболтать с часовыми о житье-бытье.

Пострадавший грузин пролежал в больнице несколько недель. Но кажется все замяли. Тот старослужащий потом, благополучно уволился, правда отсидев перед этим десять суток на гауптвахте в Кароязах²⁸.

Легенды и действительность

Легенды батальона я начал слушать еще до прибытия в батальон. Собственно это были реальные события, но рассказывали о них (как это обычно бывает) с определенной долей фантазии.

5 октября 1981 года самолетом нас доставили из Ленинграда в сборный пункт Баладжары - окраинный район Баку. Мы были еще в гражданской одежде, робкие, знакомые с армейской жизнью только понаслышке. Как я потом узнал, практически никто и никогда из отслуживших не рассказывал о службе в армии всей правды. Это вполне понятно, не так просто признаваться в некоторых своих деяниях, и также не просто признаться в том, что был когда-то салабоном, получал пинки и тумачи,

²⁸ Кароязы - район в Грузии, где в частности располагался военный полигон и гауптвахта. Комбат Дубинец в шутку называл Кароязы - Карловыми Варами.

стирал дембельское хб и подшивал им подворотнички²⁹, чистил туалет после отбоя. Как-то в 80-х годах я попал за стол с одним "героем", который подвыпив стал хвастать, как они в армии издевались над одним "чуркой", т.е. не русским солдатом. Если человек спустя уже много лет так и не может понять низость своих поступков, что же можно сказать о всей его жизни? В дальнейшем я постарался не иметь с этим человеком никаких отношений.

В Баладжарах было устроено что-то типа солдатской ярмарки. Из разных частей ЗАКВО съезжались "купцы" подбирать молодое пополнение. Из батальона, где мне пришлось в дальнейшем служить, приехал начштаба майор Метык и один из старослужащих, который должен был увольняться сразу после того, как привезет молодое пополнение. От этого дембеля мы и почерпнули первые знания о той жизни, которой нам предстояло жить ближайшие два года.

От него мы впервые узнали о страшном периоде, царившем в роте охраны (где я потом и служил) некоторое время назад и закончившиеся за полгода до нашего прибытия. Эти времена можно было назвать одним словом "литовцы". Да, два с половиной года назад в очередной призыв в роту были набраны почти одни литовцы. Слов нет, служили они хорошо, но вот младшим призывам досталось от них по полной.

- Наш призыв вешался от них. Фашисты, одним словом - говорил нам дембель.

Странно это было слышать от почти двухметрового парня, косая сажень в плечах, который мог ударом пятки на уровне головы переломить черенок от лопаты.

- Перед самым увольнением они учудили. Перепились все в доску. Передрались друг с другом и одного литовца же в окошко с четвертого этажа выбросили. Четверых из них в дисбат отправили. Жалко мы не слышали потасовки, ночью дело было. Наш призыв весь как один поднялся бы. На последок показали бы им, где раки зимуют.

Но на этом рассказы бывалого дембеля не закончились.

- Этим летом мы втроем в увольнение пошли - рассказывал он. Выпили немного и на танцы. Там с грузинами подрались. Я то смутно помню, а ребята потом рассказывали, что милиция приехала, ну под горячую руку мы их тоже уложили. Потом комбату докладная на нас пришла. Он все удивлялся: мужики, вы там человек восемь положили! А как вы потом через забор перебрались, ведь он почти три метра высотой? Прямо

²⁹ Подворотничок - узкий прямоугольный кусок белой ткани, подшиваемый к обратной стороне воротника гимнастерки. Служит для защиты воротника от загрязнения. Подшивали подворотнички вечером, после ужина, а салабоны после отбоя. Перед нарядом обычно также подшивали свежий подворотничок.

дешебисты³⁰ какие-то, а не рота охраны! В общем не стал он нас наказывать.

Проводил дембель с нами и профилактические беседы. Основная мысль, которую он пытался нам внушить, и потом я эту мысль услышал многократно с разными вариациями от сослуживцев старшего призыва. Эта мысль сводилась к следующему: не пытайтесь идти против установленных порядков и через полгода будет легче, а через год служить будет совсем "в кайф". На этом не хитром принципе держалась армия. Не знаю, понимали ли офицеры, что уставной порядок в армии держался на неуставной иерархии. Но я был свидетелем и того, как нарушение этого принципа приводила к разрушению армейских порядков. Когда-нибудь я расскажу и об этом.

Клятт и Хайчин

Роман Клят - чистокровный поляк из Львова, Юра Хайчин - еврей из Горловки. Когда я пришел в роту. Они уже отслужили год. Какая может быть дружба между солдатами разных призывов - никакой. Но мы сблизились, насколько это было возможно, особенно с Юрой. После армии Хайчин собирался поступать в юридический институт. Занимался английским. Мне прислали из дома несколько английских книг и я подарил ему пару. Юра до армии работал на заводе, ему было уже двадцать пять лет, т.е. он был моим ровесником.

С Клятом было все гораздо сложнее. Лидер по натуре, иногда он вел себя очень жестко. В паре с Хайчиным он был без сомнения ведущим. У Клятта были книги на польском, возможно именно из-за них он попал в поле зрения особиста³¹ - капитана Петрова³². По словам Клятта Петров пытался склонить его к сотрудничеству, на что последний ответил категорическим отказом. Видимо эти дела как-то негативно сказались на взаимоотношении Клятта с командиров роты и тот пообещал, что уволит его в последний день года. Слово было сдержано и Клятт уволился из части 31 декабря 1982 года.

После увольнения у меня не осталось никаких координат ни Юры ни Романа. Но вот спустя десять лет я вдруг увидел Хайчина по телевизору. Он возглавлял команду по брейн-рингу города Горловка. В течение нескольких лет я наблюдал за такой телекарьерой Юры. Через какое-то время я узнал, что Юра издает газету Игра. К тому времени к нам в город уже пришел Интернет и я написал Юре письмо. Ответ был сухой, по видимому никакого желания общаться у него не было. И я понимал, почему - слишком многое мы оставили там, в армии,

³⁰ ДШБ - десантно-штурмовая бригада.

³¹ Т.е. представителя военной контразведки.

³² Среди офицеров части ходила шутка, что фамилии у особистов могли быть либо Иванов либо Петров.

в том числе и связанное с нашими взаимоотношениями: Хайчин, Клятт и я. Вспоминать это не хотелось, по правде говоря, и мне. Даже сейчас я не готов об этом написать. Может быть я и напишу, но немного позднее.

Спустя несколько лет после такой нашей с Юрой короткой переписки, я нашел в Интернете сообщение, что в 2005 году 9 ноября около 4 часов утра на 44-м километре трассы "Владимир-Муром" Юрий Хайчин погиб в автокатастрофе.

Отслужил (вместо послесловия)

В армии я делал кое-какие заметки, пытаюсь осмыслить армейскую жизнь, понять внутренние пружины, которые управляют параллельной армейской иерархией. Однако уволившись, я забыл свои записные книжки в части. Но жизнь 80-х, а потом и 90-х почти напрочь выбросила из памяти мои армейские "приключения". И лишь сны с навязчивой периодичностью все возвращали и возвращали меня в то время. В снах этих меня снова и снова забирали в армию, а я каждый раз недоумевал: "Как же так? Я ведь уже отслужил.". Нет, это не было кошмаром, просто утром я чувствовал какое-то беспокойство, как будто я должен что-то вспомнить, но вспомнить не удавалось.

В 2006 году я решил написать не большие заметки об армии, но написать удалось только два не больших отрывка. Работа как-то не шла. Прошло еще несколько лет и мои "армейские сны" прекратились. Что-то произошло. И я вдруг почувствовал, что исчезли какие-то внутренние барьеры и я могу писать о той жизни, которая долгое время приходила ко мне только во сне. словно я от чего то освободился. Передо мной стоит череда моих сослуживцев солдат, офицеров, прапорщиков. Я вижу командира батальона капитана Дубинца так, как если бы встречался с ним только вчера. А мои сослуживцы из роты охраны: Томашевский, Рудницкий, Дубина, Клятт, Хайчин, Лубинец, Морозов, Андрюшко, Бровин, Зайченко, Скляр, Варналис, Герасимов, Чурилов, Колбас, Санковский, Ксиниди, Малинка, Распутько, Хурцилава, Рабинович и многие многие другие - все они стоят перед моими глазами. И я понял - моя служба закончилась, я отслужил.

Отслужил, слава тебе господи!

2006-2010 гг., Шадринск

Пирогов В.Ю. (с)

<http://asm.shadrinsk.net>